

вопс Костыль

Сосед

<https://litres.ru/74019424>

SelfPub; 2026

Аннотация

Игорь Кондратьев — обычный охранник из «Пятёрочки». Ему сорок семь, он живёт в панельной девятиэтажке и давно ничему не удивляется.

Но однажды он слышит за стенкой женский крик и глухой удар. Полиция не поможет — у них «семейное дело». Соседи боятся. Участковый — алкаш.

А Кондратьев знает: если он пройдёт мимо, этот крик останется с ним навсегда. Потому что однажды он уже прошёл мимо. И его сестра погибла.

Теперь он должен найти исчезнувшую женщину. Даже если для этого придётся переступить закон.

Вопс Костыль

Сосед

Игорь Кондратьев работал охранником в «Пятёрочке», жил в панельной девятиэтажке на окраине Сосновки и давно ничему не удивлялся. Сосновка была рабочим посёлком городского типа — не город, но и не деревня: пять улиц, завод на въезде, гаражный кооператив за пустырём и автобус до областного центра раз в час. Ему было сорок семь, он был женат вторым браком, дети от первого разъехались, и жизнь катилась по накатанной: смена через двое, пиво по пятницам, молчаливые ужины с женой.

В тот вечер он сидел на кухне, прихлёбывал чай из большой кружки с надписью «Лучшему папе» и смотрел в потолок. Кружка была старая, буквы почти стёрлись, но он помнил, что там было написано. Дети выросли и разъехались, а кружка осталась. Как и привычка пить чай в одиночестве.

Кухня была маленькая, шесть квадратов, но Игорь привык к тесноте. Вера когда-то клеила обои в цветочек — старалась, чтобы было по-женски, уютно. Теперь они выцвели, а кое-где отклеились по швам. Лампочка над столом светила тускло — плафон разбили ещё при детях, и с тех пор ни-

кто не удосужился его заменить. Линолеум под ногами протёрся до серой основы — как раз там, где он обычно ставил табуретку. На подоконнике, в треснувшем горшке, одиноко торчала герань — никому не нужная, но живая. Холодильник гудел тихо, с натугой — старенький, ещё советский, но работал. На боку держал магнит с надписью «С добрым утром», которую никто не читал. В углу возле плиты чернела прожжённая дырка — Кондратьев как-то уронил сигарету и долго смотрел, как тлеет линолеум, прежде чем затоптать.

В соседней квартире что-то упало. Глухо, тяжело. Он замер, не донеся кружку до рта.

— Опять, — сказала Вера из комнаты. Она даже не вышла, просто подала голос от дивана. — Не лезь.

Охранник ничего не ответил. Прислушался. За стенкой было тихо. Потом женский голос — быстрый, сдавленный, словно оправдывался. Мужской — низкий, бубнящий, как работающий холодильник. Ещё один удар. Тишина.

Игорь поставил кружку. Подошёл к окну. На стекле дрожала капля дождя. Он смотрел на неё и вдруг вспомнил Ленку — свою младшую сестру. В детстве она всегда просила оставлять свет в коридоре. Боялась темноты. Он тогда смеялся, называл её трусихой, но свет оставлял. Ей было семь.

Ему — двенадцать.

Прошло тридцать лет. Ленки больше не было.

Кондратьев закурил прямо на кухне, хотя Вера запрещала. Выпустил дым в приоткрытую форточку. У соседей снова заговорили — теперь тише, спокойнее. Будто ничего и не было. Будто никто не бил женщину тяжёлым предметом о стену.

На следующий день он встретил соседа в лифте. Тот вошёл на пятом этаже — молодой, лет тридцати, в чистой футболке, с пакетом из «Пятёрочки». Вежливо кивнул: «Здравствуйте». — «Здравствуйте», — ответил мужик.

Лифт пополз вниз. Кондратьев смотрел на соседа. Обычный парень. Рост средний, плечи неширокие, лицо спокойное. Никакой печати зверя на лбу. Руки чистые, ногти подстрижены. Таким лицом хорошо продавать автомобили или работать в банке. Не бить женщину ночью.

— Погода — дрянь, — сказал сосед. — Дрянь, — согласился охранник.

Лифт дёрнулся и остановился. Сосед вышел первым, придержал дверь. Вежливый. Игорь вышел следом и долго смот-

рел ему в спину, пока тот шёл к мусорным бакам.

Вечером того же дня всё повторилось. Крик. Удар. Тишина. Кондратьев сидел на кухне и смотрел на телефон. Номер участкового был записан ещё с прошлого раза — когда соседи сверху залили их водой и не хотели открывать дверь.

Он набрал. Долго слушал гудки. Потом женский голос: — Дежурная часть. — Здравствуйте. Тут у соседей... женщина кричит. И удары. Мне кажется, там бьют человека. — Адрес.

Мужик продиктовал. Его поблагодарили и сказали ждать. Он ждал. Через сорок минут во дворе мелькнули синие огни.

Игорь накинул куртку и спустился к подъезду. Патрульные уже усаживались в машину — два сержанта, оба молодые, стриженные наголо, как новобранцы. По форме видно, что недавно из учебки — сидит ещё непривычно, жмёт под мышками. Сыпал мелкий дождь, фонарь над входом нервно подмигивал.

— Извините, — окликнул он. — Вы к соседям зайдёте?

Тот, что сидел ближе, обернулся. Взгляд ленивый, но цепкий — так смотрят молодые, которые думают, что уже всё поняли про эту жизнь.

— А вы кто? — Сосед. Это я звонил.

— Ну, сосед. Мы поднялись. Дверь открыли. Женщина сказала, что упала. Муж подтвердил. Семейное дело. Сами разберутся.

— Она не падала. Он её бьёт. Я слышу через стенку каждую ночь.

Сержант переглянулся с напарником. Тот хмыкнул. — Пока она не напишет заявление, мы ничего не сделаем. Нет заявления — нет дела. Понимаете?

Кондратьев смотрел на него молча. Понимал.

— Моя сестра так же говорила, — сказал он тихо. — «Семейное дело. Сами разберёмся». Потом её хоронили в закрытом гробу.

Сержант перестал ухмыляться. Напарник тоже. Повисла пауза. — Сочувствую, — сказал сержант уже другим тоном. — Но закон есть закон. Без заявления мы — никто.

Он бросил недокуренную сигарету в лужу и сел в машину. Патруль уехал. Кондратьев остался стоять под мигающим

фонарём, сунув руки в карманы куртки.

Он стоял и смотрел на пустой двор. Дождь сыпал по лицу, но он не замечал. В голове крутилось одно и то же.

Ленка.

Когда-то он не помог ей. Отмахнулся. «Семейное дело, сами разбирайтесь». У него были свои заботы — работа, ипотека, Вера с её вечным недовольством. А через месяц сестры не стало. Муж избил её до смерти. Хоронили в закрытом гробу.

Кондратьев стоял у могилы и не плакал. Он вообще не плакал уже много лет. Но иногда, глядя в потолок на кухне, он слышал её голос. «Игорь, я больше не могу». И тогда он закрывал глаза и считал до ста. До ста. И ещё раз до ста. Пока голос не замолкал.

Этот голос не давал ему спать. Этот голос напоминал: ты трусил. Ты не помог. Ты — обычный мужик, который побоялся влезть в чужую жизнь и теперь живёт с этим.

Теперь за стенкой кричала другая женщина. Чужая. Незнакомая. Но кричала так же — сдавленно, безнадежно. И Кондратьев понимал: если он снова пройдёт мимо, этот

крик поселится в его голове навсегда. Ленка не простит. И он сам себе не простит.

Не из геройства. Не из жажды справедливости. Просто он больше не мог жить с этим грузом.

Кондратьев поднял голову, посмотрел на тёмные окна пятого этажа. Он не знал, что будет делать дальше. Но знал точно: на этот раз он не отвернётся.

На следующий день мужик снова встретил соседа. Тот вышел из подъезда, сел в старую «Тойоту» и уехал. Охранник проводил машину взглядом и запомнил номер. Сам не зная зачем. Просто на всякий случай.

Через неделю женщина за стенкой исчезла. Не стало слышно её шагов, её кашля, её тихого голоса. Сосед продолжал жить один. Игорь ждал ещё три дня. А потом сел на кухне и написал на листке бумаги: «Гараж. Записать номер. Узнать имя. Найти её». Он посидел, глядя на эти слова. Потом смял листок и бросил в ведро.

Но ночью не спал. Смотрел в потолок и слушал тишину за стенкой. Тишина была хуже криков.

Ночь после того разговора с полицией Кондратьев не спал.

Лежал, смотрел в потолок, слушал тишину за стенкой. Вера давно спала, отвернувшись к стене. Он встал около трёх, накинул куртку прямо на майку и вышел на лестничную клетку. Просто чтобы не сидеть в четырёх стенах.

В подъезде пахло сыростью и старыми окурками. Лампочка на пятом этаже моргала — та самая, которую никто не чинил уже полгода. Кондратьев достал сигарету, закурил и сел на подоконник. Он не строил планов, не обдумывал стратегию. Просто не спалось. Просто в голове крутилась Ленка, её голос в трубке и фраза: «Семейное дело. Сами разберёмся».

Внизу хлопнула дверь подъезда, и по лестнице кто-то стал подниматься. Тяжёлые шаги. Кондратьев машинально отступил в тень, туда, где лампочка не доставала. Мимо прошёл сосед с пятого этажа. В рабочей спецовке, хотя была глубокая ночь. От него пахло перегаром и чем-то кислым. Он не заметил Кондратьева — просто прошёл мимо, глядя под ноги. Хлопнула дверь наверху. Тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.